

па: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-10-2017-6.aspx>. – Дата доступа: 18.10.2017.

2. Еще 18 секторов войдут в единый рынок услуг ЕАЭС // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2016-07-06-2.aspx>. – Дата доступа: 18.10.2017.

3. Итоги Коллегии ЕЭК: понятие уполномоченного экономического оператора обретет новое содержание, приняты решения в сфере таможенного регулирования и защиты конкуренции в ЕАЭС // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/27-09-2017-1.aspx>. – Дата доступа: 18.10.2017.

4. «Изъятия мешают движению вперед». Сидорский о проблематике ЕАЭС, импортозамещении в РФ и ВТО // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/27-06-2017-V.aspx>. – Дата доступа: 18.10.2017.

5. Подведены итоги первого года работы Соглашения о свободной торговле между Вьетнамом и ЕАЭС // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/10-10-17-1.aspx>. – Дата доступа: 18.10.2017.

6. Китай и ЕАЭС объявили о завершении переговоров по Соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-10-2017-5.aspx>. – Дата доступа: 18.10.2017.

ЕАЭС: КОНТРОЛЬ НАД НАСТОЯЩИМ И БУДУЩИМ ЧЕРЕЗ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И РИСКИ

Бровка Г., декан факультета технологий управления и гуманитаризации Белорусского национального технического университета

Повестка развития Евразийского экономического союза определена странами-участниками до 2025 года с учетом конкурентных преимуществ сообщества: мощных природных и сырьевых ресурсов, транзитного, интеллектуального, человеческого и индустриального потенциалов. Одними из основных векторов движения становятся проекты, обеспечивающие сопряжение с инициативой Китая «Экономический пояс шелкового пути», цифровая трансформация экономик и общества стран ЕАЭС. Цифровая повестка должна обеспечить выравнивание экономических условий участников, повышение качества управления, внедрение инноваций и новых технологий. Вместе с тем на пространстве интеграционного объединения увеличиваются риски и неопределенность, в том числе связанные с «цифровым разрывом» между странами и регионами, неравенством в получении дивидендов цифровой трансформации, неравномерностью в создании благоприятной инновационной среды внутри государств, оттоком инноваторов, их компетенций, прорывных идей и т.п. Знать и преодолеть неопределенность и риск значит контролировать настоящее и будущее.

Глобальные изменения нашего века ставят нас перед лицом новой социальной и экономической реальности, характеризующейся, в частности, неопределенностью и рисками, ставшими инверсным результатом попытки человечества поставить под контроль свое настоящее и будущее. Риск (в простейшем виде) — это влияние неопределенности: $R = f(P, C)$, где P — его вероятность, C — его последствия. И любая такая неопределенность может влиять на последующие события положительно или отрицательно. Риск — как социальный контекст, мобили-

зующая динамика общества, стремящегося к самоизменению и переменам, желающего самостоятельно определять свое будущее, а не полагаться на религию, традиции или фатальность природной стихии [1]. С точки зрения Э. Гидденса, «понятие риска становится центральным в обществе, которое порывает с прошлым и открывается проблематичному будущему» [2]. Глобализация мирового пространства детерминирует повышенную рискогенность современного общества в интерзависимом, открытом мировом пространстве. Современное общество рискогенно, нравится нам это или нет: сегодня даже бездействие чревато риском [3].

Следует учитывать, что тенденции к региональной интеграции и глобализации демонстрируют взаимозависимость мирового экономического пространства и открытость социальных систем, но они же выступают катализатором производства и воспроизводства рисков. Идея риска тесно связана с современностью, ведь даже сам термин «риск» в современном его значении зародился в «ориентированном на будущее обществе», в котором опасности оцениваются в проекции будущих возможностей [3]. Сегодня проблема риска и безопасности все более актуальна ввиду невозможности контролировать будущее и обеспечивать безопасное протекание инновационных процессов.

Безопасность требует стабильности существующего положения, ограничения и минимизации рисков. Реальная взаимосвязь между развитием и безопасностью носит сложный диалектический характер. Развитие и безопасность — это две стороны общего процесса жизни общества и государства. И если развитие определяет стремление к более совершенному мироустройству, то безопасность призвана обеспечить развитие, защитить его от различного рода вызовов и угроз (военных, социально-политических, экономических, энергетических, экологических, техногенных и т.д.). В этих условиях сосредоточение внимания на укреплении политической, правовой, экономической интеграции в рамках ЕАЭС без

развития образовательной и научной составляющих следует признать недостаточным [4].

Помимо привычного внешнего риска, продуцируемого природой, появился производный риск, продуцируемый вмешательством человека и не поддающийся прогнозированию. Отсюда вытекает постоянная необходимость поиска способов минимизации рисков и воздействия на риски в благоприятных для общественного развития направлениях [5].

Анализ основных процессов ЕАЭС показал, что при построении рискогенной модели данного экономического сообщества необходимо учитывать специфику истории восточноевропейских и азиатских государств, связанную с функционированием и распадом СССР. У ЕАЭС как у «общества риска» можно выделить институциональное и функциональное измерения. Институциональное измерение «общества риска» отмечено тем, что:

- историко-культурный контекст реформ определен доминированием парадигмы «системной исключительности», то есть системы ценностей, ориентированной на сохранение постсоветского государственного института;
- переход стран-участниц ЕАЭС к рынку породил новые социальные и экологические риски;
- внедрение в реальную жизнь и реальную экономику инновационных технологий, особенно в сфере информатизации, привело к появлению инновационных рисков и угроз (инновационные технологии в энергетике, энергетическая безопасность);
- формирование цифровой экономики и применение в жизнедеятельности общества и отдельных граждан высоких технологий и электронных услуг привело к развитию рисков и угроз в информационной сфере;
- форсированная маркетизация есть не что иное, как всеобъемлющий социально-экономический риск;

- производство рисков, будучи делом прибыльным, стало в конечном счете одним из ценностных ориентиров новой экономической и политической элиты;
- разрушение ценностной системы советского общества и замена ее на систему ценностей прозападного образца увеличили социальные риски;
- риск превратился в «норму» повседневной жизни. Вследствие этого стабильность и безопасность, а не изменение и развитие становятся главными ценностными ориентирами;
- в ходе реформ сформировалась и тяготеет к институционализации обширная контрмодернизационная среда;
- наука как социальный институт находится в глубоком кризисе.

Функциональное измерение ЕАЭС определяет, что:

- демодернизация производства и общества столь же рискогенны, как и форсированная или неререфлексируемая модернизация;
- экономическая и политическая стабилизация (устойчивость) общества достигается за счет демодернизации, возврата к архаическим формам социальной организации;
- демодернизация и дезинтеграция общества сопровождаются выделением «энергии распада» (беженцы, вынужденные мигранты, бездомные, криминальные и нелегальные воинские формирования);
- «энергия распада» не тождественна отклоняющемуся поведению, хотя и может принимать его формы;
- эта энергия постепенно институционализируется в форме теневых и криминальных сообществ;

- потенциал самоорганизации общества, а вместе с ним и способность к продуцированию инициатив, снижается;
- несущая способность природной и социальной среды снижается. Эта среда все чаще выступает в качестве источника социальных рисков;
- изношенные технические системы жизнеобеспечения постоянно несут в себе риски для здоровья и жизни;
- процессы самообучения кланово-корпоративных структур ориентированы исключительно на самозащиту. Быстро растут государственные и частные охранные структуры;
- оборонное сознание, свойственное советским временам, вновь культивируется некоторыми официальными структурами.

Риски современных обществ, входящих в состав ЕАЭС, в силу глобализации рисков не ограничены во времени и пространстве. Они охватывают природную, социальную, экономическую, политическую, энергетическую, информационную, научно-образовательную и технологическую среды. Так, с внедрением цифровой экономики, высоких технологий развитие рисков и угроз в информационной сфере стало важнейшим фактором постоянного усиления внимания к проблемам информационной и инновационной безопасности. Особенно заметно рискам подвергается население — в связи с широким распространением Интернета, социальных сетей, повсеместным использованием мобильных устройств. Под угрозой находятся миллионы пользователей информационно-коммуникационных технологий.

В связи с цифровой революцией можно выделить ряд угроз национальной безопасности:

- кибертерроризм и кибершпионаж, ведущиеся странами и иностранными террористическими и преступными организациями, а также отдельными лицами и группами лиц;

- те же угрозы со стороны внутренних преступных сообществ, террористических организаций, радикальных религиозных, нацистских и прочих экстремистских группировок и антигосударственных сил;
- уход от налогообложения, незаконный вывоз капитала, отмывание преступно полученных доходов с использованием криптовалют;
- осуществление незаконной предпринимательской деятельности посредством использования сети Интернет, в частности электронной торговли и финансовых услуг.

Серьезной угрозой социальной безопасности считается рост безработицы в связи с роботизацией рабочих мест, автоматизацией управленческих процессов, растущим применением 3D принтеров. Но, как показывает трехсотлетний опыт современного промышленного развития, эта угроза частично нейтрализуется другими факторами. К примеру, наряду с застойной безработицей в одних отраслях всегда есть нехватка рабочей силы в других.

Политической проблемой и риском может стать использование цифровых технологий в сфере государственного контроля. К примеру, применение технологии блокчейн сделает невозможной фальсификацию регистрационных документов, подделку разрешительных документов, переделку «задним числом» проверочных актов.

Современные риски не предполагают наличия конкретного виновника. Как метафорически отмечают газеты, это риски «коллективной ответственности или безответственности». Риски не воспринимаются органами чувств: они воспринимаются и осмысливаются только через знание. Риски стран ЕАЭС некомпенсируемы. Например, сложно даже представить, как можно в одночасье решить проблему неудовлетворительного радиационного фона, сокращения продолжительности жизни и др. Современные риски носят демократичный характер: в конечном счете риск настигает

тех, кто его производит. Современные риски рождают новые формы неравенства в обществе: одни производят риски, другие вынуждены их потреблять, жить в рискогенной среде. Риски не калькулируются в соответствии с существующими правилами, пытающимися «усмирить» риск, но в итоге только лишь создающими видимость. Речь идет, например, о системе страхования, технике безопасности и др. Производство рисков изменяет политическую систему общества.

Выделим следующие типы рисков, свойственные ЕАЭС как «обществу риска»: социогенные (порождаемые процессами жизнедеятельности самого общества, его развития, распада или перехода в качественно новое состояние); геополитические (порожденные идеологией политического режима); средовые (порождаемые самой природной средой); идеологические (порожденные приоритетом идеологии над культурой, а системы — над человеком); информационные (возникающие при формировании цифровой экономики); инновационные (возникшие с внедрением в реальную экономику инновационных технологий).

ЛИТЕРАТУРА

1. Альгин, А.П. Риск и его роль в общественной жизни. — М.: Мысль, 1989. — 324 с.
2. Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. — 1994. — №5. — С. 107–134.
3. Гидденс, Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. — М.: Академический проект, 2005. — 426 с.
4. Бровка, г.М. Инновационное развитие и национальная безопасность. — Минск: РИВШ, 2017. — С. 280
5. Луман, Н. Формы помощи в процессе изменения общественных условий / Пер. Д.В. Озирченко, А.Н. Малинкина // Социологический журнал. — 2000. — №1/2. — С. 16–35.